

Ольга Харитонова

ЧУЖАЯ СТОРОНА

рассказы

Москва, 2025

альпина
ПРОЗА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-445.12
Х20

Редактор Аглая Топорова

Харитонова О.

Х20 Чужая сторона : [рассказы] / Ольга Харитонова. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 208 с.

ISBN 978-5-00223-397-7

Рассказы, объединяющие золотой канон мягкой научной фантастики и социального реализма, точно и цельно отражают современность. Здесь не будет головокружительных погонь, зрелищных сражений и необычных пространств, напротив — Ольга Харитонова реконструирует ландшафты и интерьеры, знакомые любому жителю постсоветского пространства. Но она же изящно вводит в сюжеты небольшие фантдопущения как поводы для разговора о телесности, самоидентификации, проживании горя и гуманизме — не глобальном, ради спасения расы, а бытовом, делающем людей людьми.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-445.12

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© О. Харитонова, 2025
© Художественное оформление, макет.
ISBN 978-5-00223-397-7
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

Первый «А»

Из-за леса, по длинному лицу разбитой дороги, в Малые Броди заехал автобус. Он желтым пятном мелькнул за домами, остановился на бывшей площади, смяв пузом жухлую траву. Подошедшие люди тянули головы, разглядывали пассажиров в окнах над красной надписью «Дети».

Автобус чихнул. Маленькие пассажиры разом подняли подбородки, до этого лежавшие безвольно, открыли глаза.

— А они способные? — спросила Леночка, глава администрации, у Михаила.

— Со способностями. Так точнее.

Гармошка двери собралась вбок, детям освободили дорогу в ДК. Они потянулись ко входу. Уже в школьной форме: белых рубашках, брючках и юбочках, неловкие, как живые. В клубе выстроились вдоль сцены — на выбор.

Когда Михаил в начале августа приехал в Малые Броды продавать родительский дом, он встретил Леночку, бывшую одноклассницу с извечным куцым русым хвостиком, попал к ней на чай. Она

рассказала, что поселок чахнет и еще десятка рабочих мест скоро не станет:

— Сельские школы после нового закона попали под укрупнение: если учащихся осталось не больше двадцати, школу предписано «оптимизировать». Многие оказались под этим дамочковым мечом, и школа в Бродях тоже. У нас в прошлом году доучивалось девять человек, а из них четверо теперь выпустились и уехали... Два первоклассника на будущий год — разве это класс? Закроют, закроют! Соединят нашу школу с Крепужихинской, и всё, все учителя — вон!

Леночка глотала горячий чай, как водку. Чай Михаила медленно остывал.

— Представь, Миш, что ребяташки по автобусам будут скитаться, в сугробах буксовать, а? Соседняя школа далеко! Можно свезти наших домашних детей туда, в интернат, чтобы жили поближе к школе, но тогда мы совсем... Нет детей — нет жизни!

Из-за горячего чая и слова вылетали из Леночки горячими:

— Сволочи там сидят! А нам нужны дети. Но где ж их взять? Посobie на усыновление пока выбьешь...

Тогда Михаил предложил поселковым учителям решение: пообещал выделить детоботов от своей фирмы, как раз штук двадцать. Бесплатно, но с разрешением на съемку, на тесты, на сопровождающую научную работу.

— А можно нам первоклассников? — заумоляло село. — Тогда на ближайшие одиннадцать лет мы спасены, пока доучатся!

И вот теперь детоботы, похожие на семилеток, стояли на сцене ДК нарядные, смотрели на сельчан во все жидкокристаллические глаза.

Люди не стали сильно выбирать, воротить нос, брали осторожно за маленькие ручки, отводили в сторону, заговаривали.

Только Федотов толкнул жену и бросился вперед, увидев у темноволосого мальчишки крупные золотые зубы: «Смотри! Наш будет!» — он не за руку схватил, а поднял его сразу на плечо, понес к столу регистрации. Родство, что ли, почувствовалось Федотову: у него самого блестели справа вверху две коронки. Федотовы записали мальчишку Женькой и сразу убежали домой.

Воронцовы забрали рыженького, похожего на Антошку из советского мультика, улыбчивого и ушастого. Спросили его: «Кузей будешь?» Так и записали.

Светленькую девочку — челочка набок, кошечка вниз — повела за руку Теплова. Девочка сама ей сказала: «Хочу быть Валерией!» — а Теплова лишь восторженно заулыбалась.

Мальчишку, эдакого пухлого младенца, только с длинными ногами, отдали Целиковским, те были согласны на любого. Имя дала жена Целиковская — «Степан, Степа». Искусственность Степы

выдавал только правый круглый глаз, мутно моргающий зеленым светом.

— Это копии чьих-то детей? — уточнила Леночка шепотом.

Михаил успокоил:

— Нет, сгенерированы с нуля.

За последним оставшимся ребенком подошел Поляков Дмитрий Васильевич, бывший пастух, а нынче нищий пенсионер, попросил детобота для помощи по хозяйству, вдвоем с женой-инвалидом они уже еле справлялись. Мальчик им как раз был кстати, пусть хиленький, сонный и с торчащими кроличьими зубами.

— Лева, пойдешь к деду жить? — спросил Дмитрий Васильевич. И мальчишка кивнул, согласившись с именем и приглашением.

Михаил с Леночкой уходили последние, Леночка закрывала зал ДК, приговаривала тихо: «Детоботы всё не детдомовские. Те хулиганят, воруют... А теперь у деревни откроется второе дыхание».

— И работа будет, культура: в кружках, клубе, библиотеке... — подхватил Михаил.

— И эта ваша научная деятельность!

Августовский вечер перетекал в теплую ночь. Где-то в дальнем лесу завела кукушка. С конца улицы доносились крики беспокойных гусей.

Леночка предложила Михаилу пожить пару дней у нее, забеспокоилась, что дом его родителей «сырой, холодный, сложится, не дай бог, ночью». Она забежала в избу магазина, оставив

Михаила на крыльце вместе с Санычем, бывшим его соседом. Саныч курил, они разговорились.

Двадцать лет тебя, мол, не было. Да как один день, поверишь. А мы тут вот так вот. А вроде раньше табун лошадей имелся? Куда! Сейчас и картошку многие не сажают. Деревня потихоньку умирает, затихает... Зарастает лесом и травой. Змеи одни ползают. Да, Саныч, хреново так-то.

Окурочек полетел от крыльца и погас в полете.

— Зачем ты сюда детей-то? — спросил Саныч тихо.

Михаил немо уставился на него: на лицо, стянутое к носу, как безразмерный черепной чехол, на отросшую мякоть ушей, на обвисший рот с затхлым запашком. Если Михаил, почти ровесник Саныча, за эти двадцать лет зрело возмужал, то Саныч — именно что постарел.

— Здоровья, — проводил его Михаил.

— Куда! Седня живы, а завтра скovyрнулись...

Саныч шагнул в темноту, и силуэт его ментально пропал, даже шаги не слышались.

Леночка вышла из магазина с несколькими кулечками, сказала, что взяла сосисок, свежих мягких конфет. Они пошли по главной улице.

— Такой ты стал красивый, Мишка, — вдруг начала Леночка. — И седина эта на висках... Хорошо...

Михаил не поддержал разговор взаимными комплиментами, не поддержал флирт, и больше на эту дорожку Леночка не ступала.

В ночной черноте все виделось еще мрачнее: многих домов и след простыл, бывшие огороды заросли бурьяном. Когда-то к длинным зданиям из красного кирпича каждое утро почти из каждого дома тянулись сонные доярки, скотники, пастухи, лениво приезжал толстопузый начальник на казенном УАЗике. Там держали совхозных коров, это все приносило деньги, у людей были местное молоко, сметана... Теперь коровники стояли черным бельмом; в них, рассказывала Леночка, остались только ломаный кирпич да пыль в кормушках.

— А все-таки воздух здесь не такой, как в городе, — продолжала она. — И жить не так страшно, как в городе. Там того глядишь и убьют к лешему! А здесь — тихо море!

Из окна дома Тепловой лилось желтое легкое зарево. Проходя мимо, Михаил увидел за столом в комнате Валерию: ее голова от макушки до шеи источала мягкий свет, пушистые волосики топорщились, как лучи. Сжимая прозрачную кружку с чаем, девочка повернулась лицом и посмотрела на Михаила. Оглушительно пели сверчки под раскрытыми ставнями.

У крыльца соседнего с тепловским дома лежали неколотые дрова.

— Газа нет, а уголь покупать дорого, — объяснила Леночка.

Разбитые стекла фельдшерско-акушерского пункта. Скрипящая косая калитка углового дома. Доски школьного забора, словно причесанные

в одну сторону. Медовый аромат душицы. Лужи желто-бурых одуванчиков вдоль дороги.

— Сейчас около сорока дворов... — уже сонно продолжала Леночка. — Есть почта, Дом культуры, школа вот. Вообще, в сельской местности живут совершенно разные люди. И трудо-голики, и лентяи, и те, кто тоскует по какому-то призрачному лучшему будущему, сопротивляясь этой сельской жизни... И те, кто хочет быть городским, а вынужден быть сельским...

— Да, да, — вяло поддерживал разговор Михаил, — да уж...

Засыпая позже на пыльном диване, он отгонял комаров, гнал из мыслей свет девичьей головы в окне, вспоминал концерт одного немецкого музыканта, который совал для эффективности лампочку в рот.

Утром, после ядрено-рыжего омлета из домашних яиц, Михаил решил проведать сельский пруд, на котором в детстве безвылазно проводил все жаркие дни.

И сейчас пекло с самого утра. Михаил дошел до пруда, оглядел зеленоватую воду, кольцо густого леса. Пробежался ветер, кроны ив у берега закрутились от него, словно шары на палках-стволах. Мостки почти сгнили: доски зацвели, заскрипели, крайняя покосилась и наполовину утонула.

Чешуя ряски закачалась, над водой показалась детская голова. По широкому лбу вились черным перевернутым пламенем мокрые

волосы. Покрасневшие глаза уставились на Михаила. Михаил повел плечами от страха.

— Женька, ты? — заговорил он с детоботом.

Женька подплыл ближе, держа кромку воды между губ.

— Глубоко тут, — детские ручки схватились за мостки. — А водятся одни караси.

Михаил присел на корточки перед мальчиком:

— Ты, помнится, можешь дышать под водой?

Женька кивнул, забрался на теплые доски, растянул губы, сверкая золотыми зубами, потом сообщил весело:

— Там череп внизу лежит!

Михаил посмотрел испуганно на Женьку, на воду, сказал:

— Пусть лежит. Не трогай. И не говори никому.

К обеду по поселку поползли слухи, что еще один детобот проявил способности.

Рыженький «Антошка» Воронцовых нашел их потерявшуюся корову.

Не пришла домой с вечера, а утром Кузя пошел ее искать и нашел по горло в иле на пруду, позвал мужиков. Те ее за рога вытащили, ослабшую, наверняка получившую накануне солнечный удар. Выползла на берег и лежит без сил. Кузя нарвал ивовых веток, и та потянулась за ними, пошла за Кузей. Откуда только узнал, что корова любит? Сначала в шутку сказали,

что он понимает язык животных. А вскоре подтвердилось: Воронцовы никак не могли понять, чего куры несутся через раз. Кузя «поговорил» с курами, и те рассказали ему про соседского Тишку, который, размахивая деревянной палкой, иногда вбегает в курятник и начинает гонять его обитателей с громким криком «ура!». От неожиданности и страха куры тут же несут яйца, Тишка кладет их в кепку и уносит домой. С Тишкиными родителями пообщались, яйца перестали пропадать.

Михаил прошел до родительского дома, фотографировал косые темные бревна, слепые мутные окна, выложил куда нужно, понял — уже не дом продает, только землю. Его отец сам строил семейное жилье, Михаил когда-то своими руками ставил сарай, курятник... А в нужное время не нашлось рук все это содержать в порядке.

Крыша висела косо, дом грозил вот-вот обвалиться.

Накануне Дня знаний приехала съемочная группа: ведущая с оператором. Одинокая Леночка была рада новым гостям и съемочную группу заселила к себе. Утром заботливо всех собрала в школу: нагрела воды для умывания, наготовила, собрала садовых цветов: «Первое сентября все-таки!»

Сельские привели детоботов на линейку к деревянному, выкрашенному голубым зданию школы. На крыльцо вынесли старые колонки.

Над дверями растянули красную ткань с рукописными белыми буквами: «Школьные годы чудесные!»

Пятеро разноклассников и двое сельских мальчишек, пришедших в первый класс, стояли в стороне, словно не при делах.

Детоботы выстроились ровно по центру прямой бело-черной линией, плечо к плечу. Оператор, глядя в объектив, вел по их лицам крупный план. Женька слепил золотой улыбкой, Лева оттягивал давящий галстук-бабочку, Кузя сонно тер глаза, Степа ответно смотрел в камеру немигающим круглым глазом. Взгляд Леры счастливо светился, и она пыталась улыбаться, но губы ее гнулись вниз, расходясь в натужную гримасу, словно, настраивая мимические мышцы, ей случайно что-то перевернули.

И была музыка. Было немного голубых и белых шаров, но совсем куце, лучше б вовсе не надували. Потом дети по очереди читали стихи, чуть приседая в такт словам, смешно качали головами, закидывая слова в микрофон.

Потом микрофон взял Лева Поляков, и его голосом запел «Учат в школе» Эдуард Хиль, словно не умер в две тысячи двенадцатом, — звонко и бархатисто. Затем Лева спел точь-в-точь как Георгий Виноградов «Школьный вальс». А потом вовсе затянул крепким голосом Пугачевой про то, что нынче в школе первый класс вроде института... Сельские аплодировали в пятьдесят пар рук: «Ну талант! Талант!»

В классе детоботы сидели как настоящие дети: качали и дергали ногами под партами; растопырив пальцы, чесали голову, локти, что-то доставали из носа, рассматривали, с приоткрытым ртом следили за учителем, пытаясь понять, что делать дальше.

Живые мальчики выглядели за последней партой как раз как выключенные роботы. Они сели вдвоем, а теперь неподвижно и опасно косились на других.

— А вот наш единственный первый класс, первый «А»! — Раскрытая ладонь Леночки гордо пролетела над головами. Объектив камеры проследовал за ней.

В кадре проскочило несколько лиц, затем камера качнулась и приблизила девочку за пятой партой первого ряда: красный шар ее головы, увенчанный белым ажурным бантом, болтался на шее, глаза катались под веками, из ротика сочилась пенная слюна...

Сюжет оборвался словами «Катенька! Катенька!!!». Камеру вырубил. Детобота Катеньку скорее вынесли из класса.

Вечером Михаил снова собрал всех новоявленных родителей в ДК, еще раз объяснил им все правила эксплуатации.

— Говорил же, никаких украшений! У них, просто говоря, аллергия. Эти сережки к ней прямо прикипели...

Женщина, взявшая Катеньку тогда в ДК, не спешила признавать вину:

— А чего? Сережки от прабабки еще остались! Чистое золото! Чего?

Если до этого Михаил, когда Катеньку отключили и увезли, обещал женщине замену, то сейчас подумывал сказать, что свободных экземпляров больше не осталось.

— А если не детобот, скажем, — спросили с заднего ряда, — а родитель выйдет из строя? Ну, помрет то есть?

— Может, кто местный заберет. Или отключим экземпляр и вывезем.

Михаил окинул взглядом людей и сменил тему:

— Рассказывайте: какие еще странности обнаружилились?

«А у нас», «у нас», «а у меня», — начали хвастать сельские друг перед другом.

Женька мог плавать без задержки дыхания и голыми руками доставать рыбу. Валерия могла делать уроки без настольной лампы, потому как ее голова выдавала не меньше трехсот ватт мощности. Лева заменил собой давно сломанное радио. Кузя болтал с животными и птицами: уже спас корову из пруда и куриные яйца от воришки. И много чего еще сказали.

Целиковская просидела все собрание в молчаливом удовлетворении, подошла к Михаилу после всего:

— А Степа наш — без всяких там. И хорошо, хорошо! Самый обычный ребенок.

Пухлый светленький Степа, с правым мутно-зеленым светящимся глазом, не прикрытым

силиконовыми веками, ждал мать на улице и, стоило Михаилу выйти вслед за ней, подбежал:

— А можно, дядя Миша, я буду вам письма писать? — спросил он и ткнул в нагрудный жетон на своей футболке: — На кор-по-ра-тив-ну-ю почту.

Михаил поглядел на мигающий огонек его глаза, погладил детобота против синтетических волос.

— Пиши, если хочешь.

Уходя, Михаил обернулся на Степу, тот быстро-быстро замахал ему ладошкой.

Леночка проводила Михаила до машины, все трещала что-то про то, что дети должны теперь будут массово начать участвовать в разнообразных проектах, развивающих их новую малую родину.

Михаил попрощался с Леночкой сжатым в воздухе кулаком — жестом всяческой поддержки и одобрения, сел в машину и медленно поехал по улицам села.

Детоботы, завидев черную глыбу его машины, бросали все и выбегали к дороге, махали Михаилу вслед тем же быстрым движением ладони, как прежде Степа, словно этот жест им был заложен одинаковым, одним на всех.

Михаил прибавил газу, включил радиоволну с веселой музыкой, но и она не заглушила тянущее чувство тоски в глубине его не то живота, не то груди.

Нет, все-таки верилось: Малые Броды освежатся, теперь село обязательно заживет другой жизнью. За качество детоботов Михаил ручался, они были как настоящие, их невозможно было не полюбить как родных детей, а где любовь, там... Машина наехала на яму, вильнула, Михаил еле удержал руль. Он цыкнул, еще прибавил музыку и со спокойной совестью забыл про Броды на несколько месяцев.

Здравствуйте, дядя Миша. Спасибо, что привезли меня в деревню. И спасибо, что подарили эту жизнь. Я пью молоко. В школе мне очень нравится. После школы я люблю копаться в земле. Однажды я откопал дюжину белых червей и собрал их в банку. Затем оставил их на ночь во дворе. Когда на следующий день при свете я вытащил червей из банки, они выглядели неописуемо мерзко. Я еще напишу вам. Степа.

Степа долго смотрел на конвертик отправки сообщения, а когда тот сменился надписью «Отправлено», слез со стула и, надев в сенях сланцы, вышел на улицу.

Мимо вялым шагом тащился Кузя, он вел по забору концом толстой палки.

— Привет, — сказал ему Степа.

Кузя не ответил, молча повел вокруг Степы окружность, взрезая палкой песок. Степа тоже схватился за эту палку.

— Чего молчишь? Ты посчитал квадраты и круги в учебнике?

Кузя разжал ладонь, палка осталась в руке у Степы, ее конец — в песке. Кузя пнул палку в сторону.

— Я куриц понимаю лучше, чем людей! — пожаловался он. — Знаешь, что такое суцька, исерищка, пиддалас?

— Не знаю.

Кузя и Степа пошли вниз по улице, подпнывая вперед крупный комок песка, вскоре он развалился и пинать стало нечего.

— А курицы твои? — спросил Степа.

— А курицы глупые. Им кроме яиц и овса ничего не интересно.

Потом Кузя сказал, что пойдет в старый сад, ляжет на палые яблоки и будет лежать, глядя на облака, забывая ненужные чужие слова. Степа пошел вместе с ним.

Кузя не рассказал Степе о том, что Воронцов все чаще просит его заманивать в их семейный сарай чужих птиц и коз.

Здравствуйте, дядя Миша. В деревне все разговаривают с животными. Дядя Гена даже матерится на кошку. Но животные разговаривают только с Кузей. Правда, ничего интересного они сказать не могут. В жизни животных каждый день происходит одно и то же, а про завтрашний день они думать не умеют. Школа мне все еще нравится. Я еще напишу. Степа.

С Женькой они часто проводили время за пусканием «блинчиков» по спокойной глади

пруда. Женька учил Степу искать плоские и круглые камни, класть указательный палец камню на ребро, вставать боком, ноги держать на ширине плеч, заводить запястье назад, а затем выкидывать резко вперед.

— Один, два, три... — считал Женька круги на воде.

Потом он стал реже улыбаться. Говорил, что родители все чаще ругаются из-за отсутствия денег, и Женьке кажется — они жалеют, что взяли его, ведь он лишний рот, всё переглядываются и на него, на него смотрят так холодно и страшно.

Он не рассказал Степе, что Федотов просил его спрятать на дне пруда под камнем какой-то сверток.

Лера никому не рассказывала, что Теплова запрещает ей зажигать дома свет, ругается: «Зачем попусту?» Теплова проверяет ночами термидра, а Лера сидит рядом на стопке подушек, светится и клюет носом. И если она засыпает, Теплова кладет ее прямо вдоль стола и легонько щелкает по лбу, стоит голове потухнуть.

Лева никому не рассказывал, что Поляков в первые же дни совместной жизни научил его точно имитировать свой прокуренный низкий голос. С тех пор, уходя пропустить «по одной» с соседом, поручал Лева откликаться вместо него на окрики жены.

Здравствуйте, дядя Миша. Родители возили меня в аквапарк. Еще мне покупали мороженое,

вату и лимонад. Но даже без этого я знаю, что родители меня любят.

Жучка родила щенков, а где, даже Кузе не говорит. Лева иногда кричит, как мартовский кот. Дома у него пьют, а Леву заставляют петь. Лера не ходит на уроки. Женька шепелявит. Он ходит плавать на пруд, хотя уже холодно, весь в соплях, как говорит мама. В школе стало неинтересно. Наверное, я не буду вам больше писать. Степа.

Михаил приехал в Малые Броды в декабре, под Новый год, чтобы показать дом и участок первому объявившемуся покупателю. Он привез Леночке бутылку хорошего шампанского, расспросил о детоботах. Леночка несла какую-то чушь:

— В договорах не указано, что к детям нужно относиться как к родным, сказано, что нужно заботиться, кормить, одевать... Понятно, что не у всех все гладко еще, не все прижились. Дети иногда даже не заправляют постели, не моют за собой посуду, мол, это ведь тоже контрактом не предусмотрено!

Михаил не стал допивать чай, сослался на звонок покупателя, оделся и вышел, побрел по Бродям. Снег громко скрипел под ногами, золотился на солнце. Где-то за пустыми коровниками тявкали вороны.

— Привет, Женька! — увидел Михаил знакомые сосульки черных волос из-под шапки с помпоном. Женька стоял на крыльце магазина и пинал снег. Он широко улыбнулся в ответ, но тут же испуганно сомкнул губы.

— Женья... — Михаил не удержался, потянулся рукой к мальчишескому рту, поднял пальцем тонкую губу, оголив красные дыры вместо золотых зубов. Женька вывернулся и прытко побежал по улице. Михаил остался в растерянности. Женькины зубы, конечно же, не были выполнены из золота, и тот, кто попытался сдать их на лом, наверняка был очень огорчен.

В желтом сумраке сельского магазина у прилавка с шоколадками стояла Лера. Кроличью шапку она держала в прямой расслабленной руке, лбом лежала на грязном стекле, грустно смотрела на ценники под цветными прямоугольниками. От ее светлой косички осталось несколько желто-черных клоков. Волосы выглядели словно подпаленными поднесенной зажигалкой. Пока Михаил в молчаливом ужасе осматривал ее перегоревшую голову, она натянула на нее шапку и выскочила на улицу.

— Девчонка сладкого хочет, — сказала тучная продавщица, — а денег мать не дает, да с чего давать?

Михаил оплатил несколько плиток «Альпеногольда», попросил отдать Лере, когда та снова зайдет, купил деревенского молока, спросил про яйца, но продавщица помотала головой, посоветовала купить их у Воронцовых.

В доме родителей Кузи Михаилу продали и яйца, и домашнюю сметану, предлагали и чай с разными вкусами. Сам Кузя все это время

тихо сидел на ступеньке лестницы, ведущей на чердак.

— Молчит все, — сердито прокомментировала его поведение Воронцова. — Уже, поди, две недели молчит. Может, сломался? Посмотрели бы вы.

Михаил подошел к Кузе, осмотрел его. Мальчик выглядел неряшливо, словно вещь, за которой плохо ухаживают: коросты грязи в ушных раковинах, грязный нос, колтуны в поблекших кудрях, смятая одежда.

— Почему не хочешь говорить с семьей, а? — наигранно весело спросил его Михаил.

Кузя дождался, пока родители отвлекутся, ответил шепотом:

— Потому что все глупые.

И Михаил не нашел, что ответить.

Научная работа по детоботам завершилась еще в октябре. Тесты прошли успешно, отчеты и сметы были сданы. Нужно было, видимо, засылать в Малые Броди не только технарей, но и семейных психологов, следить за семьями и адаптацией в них изделий подольше...

Выйдя к машине, Михаил тяжело выдохнул. Теплый воздух за клубился белым паром. Покупатель написал, что уже подъезжает к Бродям. Михаил сел в машину, ударил над своими следами ботинком о ботинок, сбрасывая снег.

Сквозь морозный воздух прокатился шипящий звук. Он прокатился, прервался, потом появился и заскрипел, словно старая кассетная

запись. Бодрая музыка переходила в радостный голос: «...радио. Пятнадцать часов в Москве», затем звук икал и начинался заново, повторялся снова и снова по кругу.

— Это Лева икает, — появился возле машины Степа. — Здравствуйте, дядя Миша!

Он рассказал, что Лева стал повторять одни те же услышанные радио- и телепередачи, чьи-то склочные разговоры и матерщину, а недавно совсем охрип.

Потом Степа спросил, почему на его письма никогда не приходило ответа, и Михаил подумал, что на них стоило отвечать, придавать детским словам больше значения. Ему пересылали эти маленькие наивные письма, он читал их, но только начинали рождаться простые слова для ответа, как наваливались звонки, совещания, бесконечные подписи...

— Родители — хорошо, — сообщил Степа в ответ на вопрос и добавил: — Мы совсем скоро отсюда уедем. Я хочу заниматься суккулентами, а в городе есть кружок.

Его круглый глаз был заботливо закрыт от мороза аккуратной повязкой из голубой ткани. Шапка, курточка и штаны выглядели опрятно, валенки сидели по размеру.

Он попрощался, пошел в другую сторону по дороге и несколько раз обернулся, улыбаясь абсолютно искренне.

Михаил подъехал к участку на скорости, нервно разбрызгивая из-под колес свежий снег.

Родительский дом действительно обвалился: теперь крыша лежала где-то там, между комнат, ее бревна торчали частоколом в серое небо — огромное черное гнездо, имеющее острый запах свежего снега, вместо жилого, живого. Через окно было видно, как снежная крупа беспрепятственно опускается в нутро стылого дома.

Покупателем оказался крупный мужик в лыжном красном костюме. Он увлеченно разглагольствовал о том, что купит сейчас участок, снесет дом, а через пару лет, когда в Броди проведут газ и прочее, он сможет продать все купленное втридорога.

Михаил усмехнулся, но промолчал: надо же, есть еще в мире оптимисты.

Подписали в машине договор. Теперь с Малыми Бродями ничего не связывало, ничего в них у Михаила не осталось. Он глянул на развалины родительского дома в зеркало заднего вида — в последний раз.

На обратной дороге он все думал про первоклассников-детоботов. Мимо летели темно-зеленые стены сосновых лесов, в снегу рябили березовые стволики, опускалась ночь. Встав на переезде, Михаил все-таки открыл корпоративную почту и отправил распоряжение — отозвать из Малых Бродей всех детоботов, кроме одного.

Последнего, двадцатого, спасет из неотвратимо умирающего села любящая семья.

Моченая рябина

— Ты куда сейчас?

— К себе, на Волкова.

Двери автобуса закрылись, и за стеклами в черной рамке резины осталась табличка «ул. Волкова». Юна из автобуса глянула на нее и опустила глаза, почувствовав, что совершила предательство.

В динамике звенел женский голос:

— Чего вздыхаешь?

Юна потянула шарф влево, вправо, повела вниз воротник, а плечи потянула назад — пальто не растягивалось, не ослабляло сжатия.

— Ничего, мам. Не знаю.

«Не по себе, — сказала мысленно, — хреново как-то».

Где-то в затылке стучала тупая боль не боль — тревога. Причин для беспокойства не было, а беспокойство было.

— Я беспокоюсь за тебя.

— Я тоже.

Справа, прямо под поручнем, сидела женщина. Эта женщина, в бесформенном, объемном, синем, сильно и прямо кашляла, овалом

раскрывая рот. Рука ее подлетала, но не поднималась до рта.

— Я вечером зайду, пока, не теряй меня, — Юна сбросила вызов. Она долго смотрела на женщину в синем, на ее сухие губы, на два крупных зуба под верхней, потом плавно повернула ровное, никакое лицо к стеклу окна, прерывисто вздохнула.

Многоэтажки сменились за окном графикой частного сектора, затем — струнами юных берез.

— Мне платят триста за выход и два процента от выручки, куда мне дома сидеть? — слышалось позади и справа. — Не будет у нас выходов, на что я жить буду...

Стук-стук, екнула боль в затылке. Юна «отключилась» от правого уха, сконцентрировалась на левом.

— Я только-только устроилась в этот салон, клиентов наработала, а мне за квартиру платить!

Юна отключила слух вовсе, березы замельтешили в окне попеременно с елями.

На «Линиях» зашли двое в одноразовых голубых масках (Юна видела, как они подошли к автобусу), проехали две остановки без голов, без характеров, с одними только глазами за белой простроченной тканевой линией. Кроссовки, джинсы по щиколотку, рост за метр семьдесят у него и длинные русые выпрямленные волосы из-под кепки, пальто-мешок у кого-то

второго. Левая рука первого держала правую руку второго.

А рука Юны крепко держала автобусный поручень, ползала по нему вверх-обратно, оставляла влажные пятна.

Тук-тук, попросилась боль в виски и без разрешения вошла.

До загородной остановки «Карьер» из пассажиров доехала только Юна, вышла. За остановкой подняла капюшон и поплыла во всех смыслах: март всюду налил, но за собой не вытер, по-ребячьи смешал с водой песок, глину, землю, травку-муравку и черт знает что еще.

Поле вызревшей и отсыревшей полыни, за ним — ж/д пути. Юна, глядя на короба товарных ржавых вагонов, вытерла мокрые ладони о пальто, подумала о пальто — его цвете, цене, новизне, и шагнула на щебень. Под вагоном пахло углем — кисло-горько, а сразу за вагоном — свободой.

Ветряная волна ходила по жухлой траве кругами, лужи рябили. Юна достала телефон, смахнула с экрана последние новости («Вирус выявлен у солиста Ram...», «Новые случаи вируса выявили в 16 ре...») и сделала фото. Если у нас есть время и силы на фото, у нас все хорошо.

Облепили и лох наполнили чашу озера вместо воды. Часть поля пропала под новыми коттеджами справа. А в остальном все было как в детстве, так же.

Из-за спины, скорее из-за затылка, вырвалась стая стрижей, устремилась влево, подальше от новых чужих домов.

Из облепихи выбежала серая, как талый снег, кошка и бросилась к домам. Это снег побежал — показалось сначала. Снег и бежал, вниз по дороге, к первым на обрыве избушкам.

Юна нашла рядом с одной опознавательный куст сирени. Сирень стала больше, дом — ниже, Юна — бледнее и тощее, все это случилось лет за десять. Юна толкнула забор двумя руками. Забор сходил туда-сюда, вернулся в исходное положение синхронно со стрижами, ушедшими куда-то за спину.

Найти задвижку где-то там, на ощупь, не удавалось. Удалось перелезть поверх. Прыг. Тук-тук. Кап.

Сначала все увиделось единым: ржавый замок в петле, выгоревшие мышино-серые доски сарая и дома. Все на земле тянулось единым полотном: все было вязаным, стеганым, смешанным. Стебли переходили в прутья, прутья — в палки, в стволы, веревки, травинки, остатки. Все коричневое — в рыжее, желтое, серое, зеленовато-серое; подползало к выгоревшим доскам, голым стволам, скамейкам и переходило в них. А до неба не доставало.

Рыхлый талый снег отоцалыми псами лежал под лавкой, под яблоней, за крышкой погребка, у двери. В овальной ванне под рябиной серая снеговая собака купалась — вытянутый

ноздреватый ком плавал в прозрачной воде ни туда ни сюда, на месте. Под сугробом, на дне, лежали коричневые гнилые ягоды.

Где-то завывало и дуло, но где-то за второй калиткой, в огороде. А где-то здесь стучало. Юна обошла дом и побрела на стук, под паутину кленовых пальцев. И нашла.

Под кленом по старой раковине стучали капли — скромно и тонко. Они тянулись из-под клапана алюминиевого рукомойника по тонкой металлической ножке и падали в ржавую проталину на белой эмали. В рукомойнике плавал кленовый коричневый лист. Клапан держал открытым шарик рябины.

Юна улыбнулась. Вот же оно как! Она потянулась рукой вверх, потом вниз, вниз, опустила ее в ледяную настойку на листе и рябине, намочила пальто, намочила рукав рубашки. Рука шла вниз, а влага шла выше, выше по ткани, и где-то между оставался только коричневый лист, прижимавшийся к алюминиевому стакану, к стенке. Когда рука потянулась обратно, лист снова лег на воду.

Ягода осталась у Юны в пальцах. Но рукомойник продолжил сочиться, тоньше и робче, ножка клапана все так же поблескивала и выдавала провал.

Юна оглянулась на дом. Из сарая шевелил усами диван. Усы были соломенные, они неряшливо торчали по всему его лицу, старому, порванному, клетчатому. Юна вспомнила, как